Намъ приходилось слышать и такой вопросъ: отчего вы не боролись съ русскимъ оппортунизмомъ? — И тутъ же наши противники изъ лагеря „Искры“ утверждаютъ, со свойственной имъ скромностью, что *имъ* русскіе революціонеры обязаны побѣдой надъ оппортунизмомъ.

Говорить такъ — значитъ плохо разбираться въ историческихъ теченіяхъ.

Хотя мы и высоко цѣнимъ роль критически-мыслящихъ личностей, но, какъ реалисты, мы за нею не забываемъ развитія общественныхъ отношеній, являющихся почвой для дѣятельности личностей и вырабатывающихъ условія ея успѣшной работы. Присматриваясь, съ этой точки зрѣнія, къ реальному ходу нашей исторіи послѣдняго времени, мы должны констатировать, что оппортунизмъ сталъ уменьшаться и исчезать, какъ только его адепты вышли на широкую арену общественной борьбы. Заграничные оппортунисты находятъ себѣ опору въ тѣхъ общественно-политическихъ условіяхъ, среди которыхъ имъ приходится работать, и которыя сильно вліяютъ на рабочія массы; эти условія иногда отражаются даже на такихъ революціонныхъ натурахъ, какъ Бебель, который недавно въ своей блестящей рѣчи противъ германскаго императора оправдывалъ такія печальныя явленія, какъ согласіе соціалъ-демократовъ-рабочихъ подписываться подъ льстивыми адресами императору (онъ говорилъ, что если фабриканты, вынуждая подписи рабочихъ угрозою увольненія, хотятъ быть обманутыми, то пусть рабочіе и обманываютъ ихъ); эти условія сдѣлали возможнымъ даже появленіе въ соціалистической средѣ такихъ далекихъ отъ революціоннаго соціализма теченій, какъ миллерановско-жоресистское во Франціи; но ничего подобнаго не можетъ быть долго въ Россіи въ здоровой революціонно-соціалистической средѣ. Я отлично вспоминаю, какъ мы, плѣнные народовольцы, встрѣчали въ ссылкѣ отголоски овладѣвшаго въ 90-хъ гг. умами молодежи оппортунистско-соціалъ-демократическаго направленія. Далекіе отъ шума житейскихъ битвъ, относясь болѣе терпимо-исторически къ этому теченію, мы были далеки отъ горячаго негодованія и вражды. Мы только что пережили раз-

валъ самой гнусной реакціи противъ періода идеалистическаго порыва 70-хъ и начала 80-хъ годовъ. Все дорогое намъ попиралось молодежью и отъ имени молодежи; и вотъ—чадъ восьмидесятничества сталъ разсѣиваться. Появились первые всходы на революціонно-соціалистической нивѣ. Мы ясно видѣли, какъ они слабы, безпомощны. Но это — была слабость дѣтскаго возраста, таящая въ себѣ силу будущаго взрослаго періода, а не прирожденная, рахитическая дряблость поколѣнія восьмидесятниковъ, про которую поэтъ говорилъ: „наше поколѣніе юности не знаетъ, юность стала сказкой миновавшихъ лѣтъ“... Если нами и овладѣвала боязнь за то, что суровый русскій климатъ побьетъ эти нѣжные всходы идеализма, подавитъ эту новую жажду служить народу, работать вмѣстѣ съ народомъ за его освобожденіе отъ безпросвѣтной нищеты, мы утѣшали себя мыслью о томъ, что само уже появленіе этихъ новыхъ всходовъ указывало на освобожденіе почвы отъ плевелъ, которыя душили все здоровое. Погибшіе всходы утучнятъ землю; естественный подборъ поможетъ побѣдѣ болѣе здоровыхъ сѣмянъ. Развѣ не видѣли мы на далекомъ сѣверѣ, какъ одинъ за другимъ погибали зеленые всходы хлѣбовъ на суровой оледенѣлой почвѣ, но каждый всходъ становился все сильнѣе, пока, наконецъ, громадныя зеленыя поля не торжествовали побѣду надъ злодѣемъ — сибирскимъ морозомъ. Мы вѣрили, что у абсолютизма будетъ вырвана почва изъ-подъ ногъ, что новыя революціонныя поколѣнія, отказавшись отъ боязливаго недовѣрія къ своимъ силамъ, наслѣдія эпохи реакціи, станутъ лицомъ къ лицу съ врагомъ; мы вѣрили, что съ *такимъ* врагомъ немыслимы компромиссы, немыслима тактика обхода. Этого не допуститъ онъ самъ, этого не допустятъ ужасныя условія русской жизни, этого не допуститъ здоровое чутье пробуждающихся трудовыхъ массъ.

Мы были спокойны за будущее. Мы уже предчувствовали то счастливое время, когда посѣдѣвшіе въ бояхъ и страданіяхъ „старики“ и веселая, бодрая молодежь, оставивъ второстепенныя распри, подадутъ другъ другу руки и — вмѣстѣ соединясь съ трудовыми, ставшими сознательными массами,